ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 7, ФИЛОСОФИЯ. 1994. № .5
Конрад Лоренц

ЭВОЛЮЦИЯ И АПРИОРИ

Речь старейшины

В нашем кругу, собравшемся здесь, мне принадлежат два рекорда: наверняка, я самый старший по возрасту и скорее всего у меня меньше всего специального образования в области наук о духе. А поэтому вопрос, каким путем я пришел к эволюционной теории познания (ЭТП), получает высокопарный на первый взгляд ответ: я не приходил к ней, она издавна была моим убеждением, разумеется, не отлитым в четкую словесную формулировку. За всеми переживаемыми нами феноменами кроется соответствие в реальном вне нас мире, что-то соответствующее, но не то же самое, — эта исходная уверенность уже была у меня-дошкольника. И поэтому, чтобы ответить на вопрос, я должен возвращаться к своим детским воспоминаниям.

Эйдетическое детство

Ребенком я был в гораздо большей степени требовательней в эйдетическом смысле, чем сегодня. Оптические обманы произвели на меня чрезвычайно сильное действие. Прежде всего они приворожили меня[1]— ведь радость встречи с феноменом присуща как эйдетикам и феноменологам, так и ученым-естествоиспытателям. Стремление проследить двойственную природу феномена и внесубъективной реальности целиком овладело мной. Одно довольно раннее воспоминание из моего первого путешествия по железной дороге в возрасте 4—5 лет и поныне сохранилось у меня во всей своей живости: странное поведение телеграфных столбов и проводов. Столбы, имеющие постоянный размер, изменяли его во .время движения поезда, становясь вдруг больше, когда спешили нам навстречу, и сжимаясь, когда мы оставляли их позади, Гораздо удивительнее вели себя телеграфные провода. Их так и подмывало взвиться в небо при нашем быстром движении: очередной столб наносил беспощадный удар, повергающий провода глубоко вниз, откуда они плавным изгибом поднимались до следующей высокой точки. Я отчетливо припоминаю так превосходно раскрытую Хайнцем Вернером эмоциональную, эффектами оформленную интерпретацию пережитого. Я воспринял то идеальное стремление, коим были проникнуты провода, — взвиться в небо, — а столбы стали для меня злыми, ибо мешали проводам в этом стремлении, своими ударами заставляя их идти вниз. Я немного помню то разочарование и посрамление, которые пережил, когда из «стационарной картины» стало ясно положение дел: провода вовсе не двигались, а были укреплены в своих самых высоких точках, изоляторами на кронштейнах столбов.

Феномен—лишь изображение, но изображение реального

И уже тогда я ясно понял, что за феноменами скрывается что-то реальное и достойное изучения. Не преувеличением будет сказано, что именно тогда я научился любить феномен, хотя в то. же время уразумел, что он действительно не точно то, что видится в нами переживаемом. Ту мою детскую теорию познания можно назвать одной из форм реализма, который, однако, существенно отличается от наивного реализма и реализма животных и именно тем, что любой феномен должен быть испрошен. А вопрошание является, по-видимому, существеннейшей деятельностью человека и одной из наиболее творческих.

В моих эйдетических мечтаниях меня не посещало и малейшее сомнение в реальности феноменов, оно не сбивало меня. Априорно сомневаться в само собой разумеющемся было для меня проклятием. Я никогда не сомневался в действительности живых переживаний тех животных, которые меня окружали. И это, по-видимому, сыграло в моей судьбе существенную роль.

Другая /очевидность мира

Карл Бюлер впервые узаконил другую очевидность других людей. Однако исследование мира других животных в смысле Якоба Икскюля никогда не приводило меня к принятию множества монадологических миров. Равно как мне ясно, что еж, домашняя утка и другие живые существа, включая меня самого, переживают совершенно разное в одной и той же ситуации внешнего мира, так я никогда не сомневался в том, что это один и тот же мир, который изображает себя во всех этих формах переживания. Я любил всех животных и все разнообразные феномены. И — крестьянские инстинкты — мне хотелось обладать всеми животными, ухаживать

за ними. Я стремился к их дружбе и к возможно более близкому общению. Я стал прямо-таки профессиональным звероводом; приручение не доверяющих мне живых существ стало всепоглощающим стремлением. Много лет спустя я встретил фразу французского поэта Сент-Экзюпери, которая приоткрыла мне познавательную ценность приручения, т. е. взаимного обучения себя-пониманию. Маленький принц Сент-Экзюпери знакомится с Лисом, который просит приручить его. Ответ Маленького принца звучит так: «Мне нужно узнать столько всего, что у меня просто нет времени тебя приручить». И тогда Лис говорит ему чистую правду, что знает только тех, кого приручили, с кем вступили в полное общение пониманий, как то означает французское слово «apprivoiser». Великий гуманист окрестил тогда движение за мир «Всемирным приручением».

Животные знают

Да позволю себе сказать, что в годы моего детства и юности, неся верную службу «приручению», я вырастил и изучил множество животных. К каждому из них я испытывал уважение, если не сказать почтительный страх, который присущ всем природным созданиям — от одноклеточных до шимпанзе. И все эти животные, может быть, за исключением последних, были невероятно глупы. Канарейка или снегирь попросту не понимают, что открывание дверцы клетки предлагает им столь желанный выход из нее; только в результате чистой случайности они находят путь на свободу, однако в конце концов испытывают серьезные трудности, если становятся голодны и хотят вернуться назад в клетку к корму. И опять же чистая случайность, что в своем слепом стремлении проникнуть внутрь клетки они находят желанный вход. Малиновка и дрозд решают эту же проблему мгновенно и в первый же день шныряют через дверцу клетки туда и обратно. Малиновка выучивается и вовремя улизнуть, когда ее хозяин пытается управлять дверцей через «дистанционное управление» — укрепленную на двери клетки . веревочку.

Должен сознаться, что именно разница между снегирем и малиновкой стала для меня предупреждением по отношению к икскюлевскому учению о монадах. Две птицы сталкиваются с одинаковой проблемой, и только одна из них успешно решает ее (поняв, что все дело — в загораживающем выход куске сетки). Данности внешнего мира мастерски переработаны только одной из птиц. Но все во мне поднимается против тезиса, что данности эти у двух птиц различны.

Только один мир

Множественность окружающих миров животных не толкнула меня к икскюлевской монадологии. Я был от нее весьма далек, вскоре поняв и еще одно: определенные программоустановления, которые позволяют одним живым существам находить решения проблем, у других просто отсутствуют. Мне вдруг открылось, что жук обладает гораздо большей информацией об окружающем его мире, чем инфузория, а домашняя утка — большей, чем жук; я же сам—несравнимо большей, чем все «подчиненные» мне животные. Но то, что эти информации относились к одному и тому же миру, было очевидно. Меня не бросало в теоретико-познавательные судороги, когда мой пес при обнюхивании штакетины забора получал существенную и интересующую его информацию, которая не была предусмотрена в моих программоустановлениях. Однако некоторый запашок до меня доходил.

После этого экскурса в сравниваемые между собой сферы поведения я считаю необходимым констатировать, что свою убежденность в эволюционной теории познания я в основном приобрел из своего восприятия и его законов, а также ограниченности результатов. Как мои собственные наклонности, так и учения весьма сильно повлиявших на меня ученых, мешали моим активным занятиям науками о духе. До сегодняшнего дня я так и не знаю, счастье это или несчастье. Мой путь в этом отношении являет полную противоположность пройденному Рупертом Ридлем. По сравнению с большинством ученых-теоретиков эволюционного познания, которые прокладывают новые пути, уровень моего философского предобразования стоит оценить не только как ***, но как ***. *(утрачено, прим. Косиловой)*

Гештальт-восприятие

Только после того как я завершил свое обучение в области медицины и зоологии и стал работать в непосредственном контакте с Карлом Бюлером, гештальт-посприятия стали для меня ключом познания. Двойственность действительно воспринятого и воспринятого нашими органами чувств, или, еще дальше, моими тогда простыми оптическими приборами, была для меня основополагающим принципом в отношениях между реальным объектом и «атрибутами», приведенными нашими органами чувств. Мой первый школьный микроскоп, у которого не было одной линзы, хотя она и требовалась, вовсе не был ахроматическим, однако я никогда не верил, что та каемка цветов радуги, которая видна у всех простейших, — их атрибут. Конечно, этим разноцветьем они радовали меня, но доказывали еще раз, что феномен вовсе не идентичен скрывающемуся за ним в-себе-бытию.

И что же действительно?

«Атрибут» означает «приведенное», «дополненное», и, я полагаю, что с того мгновенья, когда я взглянул на инфузорию сквозь неахроматический и ахроматический объективы, моя жажда знания была направлена на различение, и как можно более четкое, сущности вещей в реальном вне нас мире и, в противоположность этому, «приведенного» моим субъективным аппаратом восприятия. И это «приведенное» столь содержательно, что, право, трудно отличить его от лежащих в его основе данных органов чувств. И оптик, который хочет исследовать фактические, «неотретушированные» изображения в нашем глазном яблоке, не опознает там нашего центрального представления пространства, к примеру описанных Евклидом геометрических законов. Можно спекулировать на том, что лежащая в основе априорного восприятия пространства модель предписана аппаратом восприятия с тремя взаимноперпецдикулярными аркадами нашего лабиринта. Прямая как кратчайшее расстояние между двумя произвольными точками — открытие, сделанное благодаря строению нашей центральной нервной системы, которая, несомненно, хорошо приспособлена для того, чтобы сделать это положение геометрии наглядным. И любое искажение, за которое Евклидово восприятие «находит нужным» взяться, служит этой наглядности. Оптической прямой, конечно, нет в природе, когда смотрят на проекцию горизонта и т. д. В горизонтальной проекции эта линия — выгнутая вверх дуга, как и верхняя каемка любой стены. Но Евклидово априори заставляет нас видеть эту линию прямой. Вогнутость, которая появляется, если линия пробегает в поле зрения верхней половины глаза, «выправляется» Евклидовым аппаратом, как свидетельствует о том опыт со светящимися линиями. Светящаяся линия, предъявляемая глазу на определенной высоте в темном помещении, кажется настолько вогнутой, насколько выпуклой она была при обычном наблюдении. Линия, таким образом, действительно прямая, но мы ее увидим такой, когда два разных оптических обмана скомпенсируют друг друга. Повторю еще раз: верхняя каемка стены, которая простирается от горизонта до горизонта перед нами, образует на нашей сетчатке изображение выгнутой дуги. Но мы-то ее видим прямой. Наивные люди сказали бы: потому что она ведь прямая! Но где же эта прямая в действительности? Вот сущностный вопрос, который стоит перед жаждущим познания.

Итак, мы видим разносторонние исправления, навязываемые центральной нервной системой. Ставим вопрос, по какому праву Евклидова система вносит свои исправления в данное органам чувств, если в действительности не известно, что правильно? Этот вопрос всерьез сердил и сокрушал меня в юности. Иногда ведь исправления искажают все. Однако искажения происходят из-за того, что помимо исправлений, предусмотренных априорными Евклидовыми правилами, на деле есть и вторые исправления: исправления необычайно сложного аппарата гештальт-восприятий. Изучение их было интересом всей жизни моего учителя Карла Бюлера, и наработанное им в этой области представляет огромный шаг в направлении уразумения эволюционной теории познания. Довольно сложно дать функциональное определение гештальт-восприятия. Мне бы хотелось услышать его от здесь собравшихся.

Определение: «То действие, в результате которого из данных органов чувств формируется восприятие», — опять возвращает к восприятию, ведь в качестве исходного материала используются не данные органов чувств, но уже готово сконструированные восприятия, к примеру круг или прямая. Знание же их приписывается аппарату Евклидовой геометрии, отсюда и проистекает разделение обеих этих функций. При рассмотрении оптических, обманов, основательно изученных Эрихом фон Польстом, появление которых обусловлено

физиологическим строением органов чувств, напрашивается мысль, что их избежание есть функция гештальт-восприятий. Но вопрос, где же тот судья, который выносит последнее суждение, что «действительно правда» и что есть обман, остается нерешенным. Мы знаем немало случаев, когда гештальт-восприятия прямо противоречат свидетельствам Евклидовой геометрии. Пилатов вопрос! Вот пример, который приводил Карл Бюлер в своей лекции для иллюстрации парадоксального противоречия между гештальтами и восприятием согласно Евклидовым положениям. Из тонкой прямой черной проволоки делается скелет кубика и немного достраивается одна диагональная ось, чтобы кубик был устойчивее в ребрах и мог еще вращаться вокруг этой оси. Затем эту модель помещают перед глазами наблюдателя и зеркалом таким образом, чтобы ось модели кубика совпадала с осью зеркального изображения этой модели. Если смотреть двумя глазами, то видно и модель кубика, и рядом (ведь модель прозрачна) ее отображение в зерлаке, они двигаются, как картина и изображение, в противофазах. Но стоит закрыть один глаз, как гештальт-восприятие заставляет все перекувыркнуться: отраженный в зеркале кубик совершает прыжок, т. е. восприятие «находит более элегантным» интерпретировать воспринятое как один объект, который вращается вокруг одной оси. По правилам знакомой нам Евклидовой перспективы так быть не может. На картине нашей сетчатки прямые кубика будут длиннее, если он приближается к глазу наблюдателя или кажется приближающимся отображение кубика в зеркале, а если кубик отдаляется или кажется отдаляющимся его отображение, то они, наоборот, будут короче. Когда в нашем отражении те части, которые приближаются к зеркалу и, таким образом, приближаются к наблюдателю, становятся больше, то их изображение на сетчатке уменьшается, поэтому и все линии отраженного кубика должны гнуться, растягиваться или уменьшаться в зависимости от того, приближается или удаляется картина по отношению к зеркалу или глазу. Наблюдатель же на самом деле видит только один пляшущий кубик, исполняющий, как кажется, танец живота, разбухающий при приближении и втягивающийся при движении назад.

Четкость

Как замечено уже Феликсом Крюгером, существуют определенные характеристики, которые заставляют принимать гештальты зз атрибуты. Создание человеком гипотез подчиняется тем же правилам предпочитая «элегантное» решение критически правильному. Ведь пренебрежение Евклидовыми расширениями и сжатиями, которые «провинились» перед человеком, воспринимавшим картину в описанном опыте, столь типично для человека. Второй глаз открыт, и обман исчез; как часто дополнительные данные производят подобное действие.

Однако и мне самому, и многим другим так и непонятно, исходят ли Евклидово изложение нашей пространственной картины и результат совместного действия предложенных гештальт-восприятиями интерпретаций от одного и того же аппарата? Редко встретишь взрослых людей, которые сохранили бы младенческое неведение относительно существования прямых углов и линий. Бесспорно, в составление упорядоченной прямыми углами и соединяющими их прямыми линиями пространственной картины входит многое из того, что получено в результате опыта. Например, в оценке роста этот опыт играет существенную роль. В жутковатом своей необычностью кабинете оптических обманов в Принстонском университете есть комната, в которой можно зрительно изменять рост людей, используя ошибочное представление о расположении прямых углов. Левая вертикаль задней стены намного больше, чем правая. Поэтому обе линии потолка, отходящие от задней стены, не горизонтальны. Левая идет резко вниз навстречу наблюдающему, а правая — резко вверх. Чтобы несколько усилить оптический обман, на задней стене висят соответственно искривленные картины и стоит искривленная мебель. Если с порога осмотреть эту комнату двумя глазами, ее неправильная конструкция видна мгновенно, но если одним глазом смотреть в дырочку в стене, то эта конструкция может изменить восприятие. У одной женщины, увидевшей, как ее супруг уменьшается в размере, идя вдоль задней стены справа налево, начались истерические судороги. Моя жена, увидев, как то же самое происходит со мной, рассказала мне о своем переживании с тревогой. Одна влюбленная молодая девушка даже не захотела принять объяснения тому факту, что ее возлюбленный стал меньше ростом. Так же растерялся молодой солдат, когда знаки различия его начальников, находившихся в этой комнате, очутились на уровне его колена.

Евклидово восприятие, пространства и гештальт-восприятие вместе самовольно распоряжаются данными, полученными органами чувств. Из того, что они вступают в противоречие друг с другом, как в примере с кубиком, можно предположить, что перед нами — две различные организации. Когда мы охватываем все их функции, то находим совершенно потрясающую вещь: обманы всегда существуют для того, чтобы открыть правду. И каждого размышляющего должен занозить вопрос, кто тот советчик, который помогает из хаоса данных восприятия выбрать самое важное и легко понимаемое (а он действительно это делает). Ведь мы, с нашим столь способным на ошибки аппаратом, в нашей повседневной жизни, в так называемом мезокосме, поступаем правильно и делаем это всегда, кроме тех случаев, когда искажения объясняются функциональными особенностями нашего аппарата. Мезокосмическая правильность наших многочисленных интерпретаций. Евклидова картина мира и гештальт-восприятия ведут меня к предположению, что наш априорный мыслительный аппарат, как и априорный аппарат видения мира, несут на себе печать истории и произошли под воздействием отбора.

Мною изложенное субъективно. Оно призвано лишь показать, что еще в то время, когда я мало знал о сравнительной науке о поведении, обманы восприятия привели меня к эволюционной теории познания.

Перевод Ю. Д. Артамоновой

[1] Следует говорить именно о термине «феномен». К. Лоренц сознательно ориентируется на позднегуссерлевское его понимание, имея в виду два принципиальных момента: 1) «...Мы обращаемся к нашему непосредственному опыту. Но мы не можем обнаружить психическое в каком-либо опыте, иначе как посредством «рефлексии». ...Мы привыкли сосредоточивать внимание на предметах, мыслях и ценностях, но не на психическом «акте переживания», в котором они постигаются. Этот акт обнаруживается рефлексией. Вместо предметов, мыслей, ценностей, целей, средств мы рассматриваем тот субъективный опыт, в котором они «являются». Эти «явления» суть феномены, которые по своей природе должны быть «сознанием-о» их объектов...» (Гуссерль Э. Феноменология. Логос. 1991. № 1. С. 13.). 2) Подчеркивается постоянная погруженность в действительность, явлением (которой и служит феномен, и та же укорененность в этой действительности. — Прим. перев